

В. Желиховская

В татарском захолустье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Желиховская
В11 В татарском захолустье / В. Желиховская – М.: Книга по Требованию, 2019. – 175 с.

ISBN 978-5-458-10667-2

Повесть для юношества В. П. Желиховской. Третье издание, перепечатанное с 1-го, одобренного Ученым комитетом Министерства Народного просвещения для ученических библиотек средних учебных заведений, мужских и женских и рекомендованного Учебным комитетом при Собственной Е.И.В. Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии для ученических библиотек, а равно для подарков ученицам средних учебных заведений Ведомства. С рисунками М.Михайлова. Санкт-Петербург : издание Девриена.

ISBN 978-5-458-10667-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свернулся легкими облачками, уходившими все дальше и выше.

Окрестность открывалась медленно. Сначала выяснились ближайшіе сады, далеко стлавшіеся свѣтлозелеными коврами, съ накинутыми на нихъ кое-гдѣ бѣло-розовыми покрывалами ранняго вссеняго цвѣта. Они уходили въ глубь ущелья и сливались съ мглою, изъ-за которой желтымъ пятномъ проглядывало солнце. Мелкій дождикъ, начавшійся еще съ утра, словно осенью, проходилъ.

Забѣлѣли башни и стѣны древней крѣпости. Бѣлыми змѣйками прямо отъ рѣки взбѣгали онѣ, въ обѣ стороны, въ гору и заканчивались утесами, по которымъ туманъ, какъ театральная занавѣсь, взвивался все выше и выше.

Вотъ проѣхали брешь, пробитую въ крѣпостной стѣнѣ, и, съ горки на горку, помчались вдоль сѣживавшагося ущелья. Послѣднія версть двадцать все подымались въ гору по красивому ущелью, покрытому виноградниками, со множествомъ мельницъ, колеса которыхъ шумно вертѣлись, взбивая облака пѣны. Горная рѣченка вся почти сплошь состояла изъ водопадовъ, метавшихъ брызги и клочья бѣлой пѣны.

Постройки здѣсь были оригинальныя, совсѣмъ не сходныя съ домами другихъ городовъ Закавказья: почти всѣ деревянныя, тогда какъ вообще онѣ здѣсь больше каменныя; а вмѣсто земляныхъ, плоскихъ крышъ — высокія кровли конусомъ, досчатыя или черепичныя. Но главную прелесть мѣстности составляли деревья необыкновенной величины и красоты: громадныя, живописныя плакучія ивы; грецкіе орѣшники съ шарообразными вершинами и чинары въ нѣсколько обхватовъ представляли удивительно разнообразныя и богатые этюды художнику. Наша молоденькая путешественница любила живопись и природу, и потому восхищалась этими великанами вдвойнѣ.

Вотъ наконецъ проглянуло солнце и озолотило ближайшія зеленыя вершины и дальнія снѣговыя цѣпи. Вдали, на одной изъ высочайшихъ безлѣсныхъ горъ, ярко заблѣла крѣпостная стѣна, поясомъ охватившая ея верхушку, а за нею, крыша на крышѣ, громоздился оригинальный городъ, — цѣль ихъ путешествія.

Величественная, своеобразная красота дикой мѣстности должна была поразить всякаго. Чѣмъ то патріархальнымъ, какою-то средневѣковою стариной вѣяло отъ этихъ полуразрушенныхъ башенъ, отъ бѣлыхъ чалмообразныхъ памятниковъ и островерхихъ мавзолеевъ татарскихъ кладбищъ, уединенно разбросанныхъ по высотамъ, отъ узкихъ, тѣнистыхъ даже въ самый полдень улицъ, съ высокими каменными зданіями, съ неровными громадными плитами мостовой. Городъ уходилъ вверхъ амфитеатромъ. Бѣлые и пестрые, выложенные яркими узорами цвѣтного изразца, высоко вздымались вверхъ круглые минареты мечетей, съ своими балкончиками для муэззиновъ, призывающихъ правовѣрныхъ на молитву, съ золотыми лунами, вѣнчающими ихъ. Темными коврами глядѣли издали громадныя окна изъ мельчайшихъ цвѣтныхъ стеколъ, занимавшія цѣлыя стѣны татарскихъ домовъ. Только зелени на этой высотѣ, кромѣ свѣжѣй горной травы, было мало: деревьевъ почти не было видно, — они всѣ остались внизу, въ ущельѣ.

Справа налѣво, слѣва направо тянулись наши путешественники. Гора казалась безконечной. Пока взбирались въ городъ, соскучились; но при вѣздѣ первый же домъ привлекъ вниманіе даже старушкинѣмки, проснувшейся, впрочемъ, еще при началѣ подъема отъ усиленныхъ криковъ и понуканій ямщика,

— Was ist das?.. Что это такой: дворца или домъ?.. какой карошій! — воскликнула она.

— Ну, что въ немъ хорошаго, Шарлота Карловна: посмотрите, какая грязь и запущеніе, — замѣтила Ольга.

Строеніе, дѣйствительно, было очень велико и оригинально, но зато содержалось крайне неопрятно. Лицевой фасадъ его верхняго этажа весь состоялъ изъ одного разноцвѣтнаго окна въ мельчайшей рѣзбѣ. Затѣмъ стѣны, рѣшетки, арки и галереи — все будто рушилось, все почернѣло отъ гнили и течи.

Вотъ и городъ наконецъ, и лавки, и присутственныя мѣста, а горѣ все нѣтъ конца. О, Боже мой! Какая ужасная мостовая!.. Плиты въ цѣлый аршинъ, неровныя, неуклюжія.

— Да гдѣ же наконецъ живетъ дядя!.. — поочередно восклицали дѣти, чуть не выпрыгивая изъ тарантаса.

Выѣхали наконецъ на очень большую площадь въ полугорѣ и остановились у каменнаго дома съ высокой черепично кровлей, — очевидно, новѣйшей или обновленной постройки.

Лакей
спрыгнувъ съ
козель, но не
успѣвъ помочь
выйти Борѣ и
Лидѣ: они уже
летѣли на
крыльцо и по
внутренней
галереѣ съ
громкими криками:

— Дядя Миша!
Здравствуйте, дядя Миша! Дядичка, да
гдѣ же вы?..

Вдругъ они остановились, какъ вкопанные: вмѣсто ожидаемаго ими милаго, ласковаго лица дяди, любимаго дѣтми чуть-ли не наравнѣ съ отцомъ, изъ

дверей передней показалась высокая, нарядная, величественная дама, совершенно имъ незнакомая.

— Chers enfants, bonjour! — жеманно начала она, — наконецъ мы васъ дождались. M-lle Olga? — n'est ce pas?... charmée. Входите, входите! Вы устали, проголодались? Завтракъ давно васъ ждетъ... Ахъ, да что же это я? Забыла совсѣмъ, что вы не знаете, кто я такая... Я — сосѣдка и пріятельница вашего милаго дядюшки, Глафира Дмитриевна Лиходѣва. Прошу быть знакомой.

Она пожала всѣмъ руки, дѣвочекъ перецѣловала, а здороваясь со старушкой-нѣмкой, снисходительно спросила Ольгу:

— Une gouvernante?

— Une amie plutôt, — застѣнчиво отвѣчала дѣвушка, — другъ моей мамы, Шарлота Карловна Верцень.

— Ахъ! Очень пріятна! — улыбаясь раскланялась старушка.

Всѣ прошли въ комнаты.

Боря подтолкнулъ локтемъ младшую сестру, вздернулъ брови, растянулъ губы и сдѣлалъ вслѣдъ М-ме Лиходѣвой такую гримасу, что Лида чуть не фыркнула.

— Знаешь, слава Богу, что она сказала, кто она такая, — шепнула она брату, — а то я такъ испугалась: я думала, что дядя женился...

— Ахъ! Какъ здѣсь карашо! — говорила М-ме Верцень, немного въ припрыжку обходя всю комнату. — Какой чистота, порядка! И рояль, и попитръ! Каспадинъ Альмазовъ, ферно, лубить музыка? Это очень пріятно! Вотъ и скрипка. Онъ самъ играетъ?

— Какже! Дядя отличный музыкантъ. Развѣ вы забыли, Шарлота Карловна, какіе онъ дуэты съ мамой разыгрывалъ!

— Какже! Я карашо помню. Это такъ пріятна... Ахъ, очень вамъ благодарна!.. Кафе такъ пріятно зѣ дорога...

Послѣднія слова относились къ М-те Лиходѣвой, хозяйничавшей у стола. Всѣ сѣли завтракать.

— Что же это дядя? Гдѣ онъ?.. — рѣшилась спросить Лида.

— Михаилъ Николаевичъ въ судѣ, мой дружокъ, — отвѣчала Глафира Дмитриевна, — онъ можетъ вернуться только къ двумъ часамъ, и потому просиль меня похозяйничать и принять васъ.

За завтракомъ прислуживаль старикъ-лакей, за которымъ Борисъ нѣкоторое время слѣдилъ чрезвычайно внимательно, заинтересованный чѣмъ-то страннымъ въ его жестахъ и взглядѣ. Благообразное лицо этого человѣка, одѣтаго въ опрятное бѣлье и длинный коричневый сюртукъ, привлекло его вниманіе, но въ особенности поразилъ его глубокой взглядъ его сѣрыхъ глазъ, какъ-то сосредоточенно слѣдившихъ за всѣми движеніями присутствовавшихъ. На столѣ не оказалось воды, и Лида обратилась къ нему съ просьбой дать ей напитокъ. Старикъ повернулся къ ней и съ улыбкой покачалъ головой, еще внимательнѣе глядяваясь прямо въ лицо дѣвочки.

Лиходѣва махнула ему рукой и, приложивъ пальцы къ губамъ, сдѣлала видъ, что пьетъ. Старикъ кивнулъ головой и быстро пошелъ изъ комнаты.

— Онъ нѣмой! — воскликнули всѣ съ жалостнымъ изумленіемъ.

— Да. Это Андрей Аѳанасьевичъ, дядюшкинъ камердинеръ, управляющій, повѣренный, *son chargé d'affaires*, однимъ словомъ, — правая его рука, — объяснила Лиходѣва. — Онъ глухонѣмой отъ рожденія, но удивительно понятливый и умный человѣкъ.

— Какъ онъ можетъ быть уменъ, ничего не понимающій? — удивился Боря.

— Отчего же «не понимающій»? Напротивъ, онъ очень разсудительный и разумный старикъ. Михаилъ

Николаевичъ увѣряеть, что съ нимъ можно бесѣдовать съ большимъ удовольствіемъ.

— Какъ же онъ съ нимъ объясняется? — удивлялись дѣти.

— О! Вашъ дядюшка отлично понимаетъ его знаки и ему все умѣеть объяснить. Они часто разговариваютъ и смѣются другъ съ другомъ... А!.. Gabriel. mon ange! — ты уже кончилъ занятія?... Mesdemoiselles! рекомендую вамъ: мой сынъ Габріэль. Познакомьтесь, пожалуйста! Онъ ждалъ вашего приѣзда какъ манны небесной, le pauvre enfant!.. Онъ такъ скучаетъ въ этомъ татарскомъ захолустѣѣ... Ему здѣсь не съ кѣмъ слова сказать, и даже русскія дѣти смотрятъ на него, какъ на какой-то феномень... Такіе дикари!..

Дѣти посмотрѣли на вошедшаго мальчика, и хотя ихъ никакъ нельзя было назвать дикарями, но Боря и Лида и даже сама благоразумная Ольга Николаевна въ душѣ согласились съ мнѣніемъ мѣстныхъ дикарей. Это, дѣйствительно, былъ, если не феномень, то все-таки личность весьма оригинальная, въ особенности на этихъ азіатскихъ высотахъ. Это былъ крупный мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ смуглымъ, круглымъ лицомъ, въ которомъ особенно непріятно поражали маленькіе желтовато-зеленые, вѣчно безпокойно бѣгающіе, какъ мышата въ клѣткѣ, глазки. Но некрасивое лицо его прошло бы, можетъ быть, и незамѣченнымъ, если-бы не оригинальный костюмъ Габріэля Лиходѣва: онъ былъ одѣтъ по-заграничному, какъ нѣкоторыя наши русскіе дамы, побывавшія за границей, любятъ одѣвать своихъ сынковъ и какъ позволительно одѣвать мальчиковъ лишь лѣтъ до 8, 9, но не болѣе. Его хорошенькая бархатная курточка была перетянута лакированнымъ поясомъ; штиблеты обтягивали толстыя ноги; толстыя икры, туго обтянутыя бѣлыми чулками, бросались въ глаза издали; изъ-подъ воротничка а l'enfant выглядывалъ розовый галстучекъ, а на манжетахъ красовались большія золотыя запонки. Онъ

жантильничаль, картавилъ и кривлялся какъ дурно воспитанная барышня. Любящая маменька находила эти ужимки и кривлянья премилыми, но всѣмъ остальнымъ они были весьма непріятны. Боря Алмазовъ и обѣ сестры его тотчасъ же почувствовали къ нему антипатію, съ различными, впрочемъ, оттѣнками: Борису онъ былъ просто противенъ; Ольгѣ — жалокъ; Лидѣ — смѣшонъ до того, что синіе глазки ея такъ и искрились и ротъ подергивало неудержимымъ смѣхомъ, пока она старалась (одна изъ всѣхъ) поддержать съ нимъ бесѣду. Замѣтивъ, что Габріэль безпрестанно сбивается на французскій языкъ, рисуясь тѣмъ, что будто бы съ трудомъ говоитъ по-русски, она нарочно отвѣчала ему не иначе, какъ самымъ простымъ народнымъ языкомъ, чѣмъ очень смущала старшую сестру и смѣшила Бориса до слезъ. Ольга, хорошо понимавшая шалости Лиды, старалась отвлечь вниманіе Лиходѣевой разговоромъ и нетерпѣливо поджидала дядю.

— Ваша сестрица, кажется, большая патриотка, — замѣтила однако та, прислушавшись къ разговору дѣтей.

— Она просто шалунья, — возразила Ольга съ смущеніемъ.

— Какъ не стыдно тебѣ, Лида? — начала было она, — но въ ту самую минуту по балкону раздались спѣшныя мужскіе шаги и — всѣ трое дѣтей вскочили и бросились навстрѣчу дядѣ. Пока въ передней раздавались возгласы радости и поцѣлуи, Лиходѣева сказала по-французски:

— Габріэль; развѣ ты не видишь, что эта глупая дѣвочка смѣется надъ тобою? Не говори съ ними по-французски, если этимъ маленькимъ неучамъ это такъ непріятно... Что дѣлать, мой милый? Вѣрно, придется тебѣ жить безъ общества, пока мы не уѣдемъ изъ этой трущобы!

Въ это время всѣ гурьбою вошли изъ передней. Смуглое, открытое лицо Михаила Николаевича Алмазова, на котораго Боря былъ чрезвычайно похожъ,

сіяло удовольствіемъ. Двое меньшихъ дѣтей держали его за руки; Оля шла позади, бесѣдуя съ высокимъ, рябымъ господиномъ съ чрезвычайно добродушнымъ и, на первый взглядъ, некрасивымъ лицомъ. Но наружность этого гиганта имѣла странное свойство все болѣе и болѣе нравиться съ теченіемъ времени; этому много способствовали его темно-сѣрые глаза, въ которыхъ свѣтились умъ и доброта, а подѣ-часъ и тонкая насмѣшка. Это былъ отецъ Габріэля.

Сначала ничего нельзя было разобрать въ поднявшемся хаосѣ привѣтствій, восклицаній, вопросовъ и веселаго смѣха; но потомъ всѣ снова размѣстились у стола. Михаилъ Николаевичъ и Сергій Гавріловичъ Лиходѣевъ объявили, что у нихъ волчій аппетиты, и глухонѣмой слуга, обмѣнявшись со своимъ бариномъ никому непонятными знаками, улыбаясь и добродушно покачивая головой, засуетился и началъ носить новыя блюда съ закусками.

Алмазовъ сейчасъ же перезнакомилъ съ нимъ, совсѣмъ особой церемоніей, всѣхъ племянницъ и племянниковъ, потомъ нагнулся къ дверцамъ печки, постучалъ въ нее и махнулъ рукой по столу.

— Это что значить? Топить печь? — спросилъ Боря.

— А какъ вы думаете? Развѣ лѣтомъ топятъ? Отгадайте, что это значить! А вотъ Андрей Афанасьевичъ понялъ! — отвѣчалъ Алмазовъ, взглянувъ на входящаго съ тарелками, банками и судками старика.

— Ага! «Что есть въ печи — все на столъ мечи!» — вотъ что это значить! — вскричала, торжествуя, Лида.

— Именно, — согласился Алмазовъ.

— Шустрая барышня! — замѣтилъ Лиходѣевъ.

Что? Вы сказали: шустрая?.. — весело набросилась на него Лидія. — Отлично! Вотъ вы, значить, русскій. Съ вами можно говорить по-русски. А вотъ вашъ сынъ такихъ словъ не понимаетъ...

— Лида!

— Вотъ какъ — смѣясь прервалъ Ольгу Николаевну Лиходѣевъ, — мой archange ужъ успѣлъ отрекомендоваться...

— Какой archange?.. — изумился Борисъ.

— Мой archange Gabriel!.. Херувимчикъ нашъ съ розовыми крылышками...

— Serge! C'est insupportable!

— Не буду, не буду, матушка: не сердись! Вольно же тебѣ, на смѣхъ курамъ, такого здороваго балбеса ребеночкомъ одѣвать и на розовой водѣ воспитывать! Было бы у меня время, я бы живо его изъ аршанжей въ русскаго парня обратилъ, да некогда съ вами возиться — вотъ бѣда! Приходится ждать, пока свой царь въ головѣ у Гаврилы проснется и перестанетъ онъ самъ мамашѣ поблажать. Да вотъ добрые люди, — вотъ такія славныя барышни, — помогутъ ему стать русскимъ челоѣкомъ изъ ярославскаго иностранца... Поможете, шустрая барышня, а?.. И вы, молодой россиянинъ?.. обратился онъ къ дѣтямъ, искренно потѣшавшимся, не смотря на видимое смущеніе дяди и на — то сердитые, то умоляющіе взгляды Ольги.

Габріэль такъ смутился, что былъ даже жалокъ; мать его то краснѣла, то блѣднѣла и кусала губы.

— Tu as une manière de parler.., — начала-было она, не выдержавъ и вставая, но тотчасъ же опомнилась и заговорила по-русски. — У тебя, право, Сергѣй Гаврилычъ, такое странное обращеніе, что я, кажется, скоро должна буду отказаться бывать съ тобой въ обществѣ...

— Глафира Дмитриевна! — вскочилъ Алмазовъ, — ради Бога! Охота вамъ сердиться... Ну, развѣ мы всѣ не знаемъ Сергѣя Гавриловича? Пожалуйста, не сердитесь. Ну, чѣмъ же мы всѣ виноваты, что вы хотите уйти?..

Дѣти разомъ присмирѣли, а Лиходѣевъ съ добродушной улыбкой подошелъ и низко преклонилъ свою большую, плотно остриженную, голову передъ женою.

— Ну, матушка, не сердись; виновать, увлекся! Да вѣдь мы же все свои; сору изъ избы не вынесемъ...

— Des personnes que nous voyons pour la première fois, — съ достоинствомъ оглянула всѣхъ М-ме Лиходѣва...

— Ну, какія это персоны... — началь-было Михаилъ Николаевичъ, но Боря прервалъ его, весело закричавъ:

— Мы, Глафира Дмитриевна, такія маленькія персоны, что насъ и замѣчать не стоитъ!

Всѣ невольно засмѣялись; улыбнулась и Лиходѣва и, проворчавъ нѣсколько словъ о томъ, что ей очень досадно, что ея добрый Serge разыгрываетъ изъ себя такого mal-appris и грубіяна, обратилась къ Алмазову съ вопросомъ, какъ онъ намѣренъ провести слѣдующій воскресный день, не предприметъ ли какойнибудь прогулки или partie de plaisir для удовольствія пріѣзжихъ барышень... Михаилъ Николаевичъ въ нерѣшительности замѣтилъ, что онѣ, можетъ быть, устали; но это предположеніе было шумно опровергнуто всѣми, въ особенности Лидой. Сейчасъ же положено сдѣлать прогулку верхомъ по городу и ближайшимъ окрестностямъ, а потомъ обѣдать у Лиходѣвыхъ. Послѣднее было не совсѣмъ пріятно нашей молодежи, но, конечно, никто изъ нихъ не показаль и виду, хорошо понимая, что они обязаны, ради дяди, сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы изгладить у его знакомой непріятное впечатлѣніе этого утра. Притомъ же самъ Лиходѣвъ, не смотря на свою неумѣстную рѣзкость, произвелъ на всѣхъ троихъ дѣтей очень пріятное впечатлѣніе. Остальное утро прошло въ хлопотахъ по устройству помѣщенія пріезжимъ. Лида дождна была жить, по обоюдному ихъ желанію, вмѣстѣ со старушкой Верцень; Борѣ, котораго дядя хотѣлъ, было, устроить въ своемъ кабинетѣ, захотѣлось спать въ комнатѣ Андрея Афанасьевича, въ мезонинѣ.